

Фомина Татьяна Юрьевна

ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА КАНДИДАТОВ НА АРХИЕРЕЙСКИЕ ДОЛЖНОСТИ

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии рассматриваются принципы подбора кандидатов на архиерейские должности в домонгольский период истории Руси. Подбор претендентов осуществлялся киевскими митрополитами, княжеской властью, боярскими кланами. Требования к кандидатам в священство не всегда соответствовали каноническим нормам, но отвечали политическим, идеологическим и материальным интересам древнерусской элиты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 177-182. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

13. Носков А. Первая самарская газета // Самарская неделя. 2006. 15 декабря.
14. Периодическая печать Средне-Волжской области. 1838-1928: библиографический справочник / под ред. А. Д. Михайлова. Самара: Средне-Волжская коммуна, 1929. 70 с.
15. Расторопов А. Юбилей самарской прессы // Самара и губерния. 2002. № 2. С. 42-43.
16. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 651. Оп. 5.
17. Силой журналистского слова / колл. авторов. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1977. 120 с.
18. Скребнев В. А. Тамбовская большевистская печать: первые шаги // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (64). С. 193-194.
19. Федосеева Л. Ю. Рабочие Поволжья и культурное строительство в регионе во второй половине 20-х – середине 30-х годов. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2000. 172 с.
20. Хохлов В. Одна из старейших в Советской Армии // Волжская коммуна. 1958. 21 августа.
21. Шкинунов В. Годы становления // Волжский комсомолец. 1970. 16 января.
22. Эйрман А. Трибуна самарских большевиков // Волжская заря. 1969. 5 мая.

PARTY-SOVIET PERIODICAL PRESS FORMATION IN SAMARA PROVINCE IN 1917-1927

Filyaev Dmitrii Olegovich
Penza State University
communar1@rambler.ru

The essence and formation process peculiarities of party-soviet periodical press in Samara province in 1917-1927 are revealed in the article. The reasons and main aspects of the sharp increase of newspapers quantity that were issued in Samara and the province after October revolution of 1917 are considered. The author generalizes data on the history of printed matters publication during the mentioned period.

Key words and phrases: periodical press; newspapers; printed matters; Samara Bolsheviks; province committee of Russian Communist Party (of Bolsheviks); province executive committee.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии рассматриваются принципы подбора кандидатов на архиерейские должности в домонгольский период истории Руси. Подбор претендентов осуществлялся киевскими митрополитами, княжеской властью, боярскими кланами. Требования к кандидатам в священство не всегда соответствовали каноническим нормам, но отвечали политическим, идеологическим и материальным интересам древнерусской элиты.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; архиереи; епископы.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов
stal73@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ПОДБОРА КАНДИДАТОВ НА АРХИЕРЕЙСКИЕ ДОЛЖНОСТИ[©]

Одним из существенных вопросов, не нашедших всестороннего освещения в отечественной светской и церковной историографии, является порядок замещения архиерейских вакансий. На сегодняшний день недостаточно прояснены вопросы подбора кадров на первосвященнические должности, требования, предъявляемые к кандидатам в священство, процедура их возведения в должность. Сложность рассмотрения обозначенной группы проблем заключается в том, что Русь испытывала значительное влияние византийской, болгарской и латинской канонических традиций, с иерархиями которых поддерживала самые тесные контакты [6; 9; 10; 25; 27; 28]. Кроме того, структура самой церковной организации с трудом поддается реконструкции ввиду неопределенности взаимоотношений внутри церковной иерархии. Крайне сложно проследить взаимодействие внешних канонических традиций с автохтонными процессами. Более всего в этом направлении сделано усилиями Я. Н. Шапова, труды которого заложили фундамент для раскрытия данной проблемы [28; 29, с. 124-137; 30; 31, с. 123-126; 32; 33, с. 71-78; 34, с. 10-70].

Закономерности подбора кандидатов на высшие церковные должности мы проанализируем на примерах возведения в сан автокефальных митрополитов, а также архиепископов и епископов русских княжеств с конца X до конца первой трети XIII в. Вкратце напомним канонические требования, предъявляемые к кандидатам на высшие церковные должности: «епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чист, страннолюбив, учителен, не пьяница, ни бийца, ни сварлив, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании

со всякою честью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» (1 Тим. 2-7). Более детально интересующую нас сторону церковной жизни регулируют Новеллы Юстиниана, определяющие порядок избрания и рукоположения во епископа, ставленнические пошлыны, церковное судопроизводство, возрастной ценз для поставления епископов и клириков [27, с. 79]. Важнейшей является первая глава новелл, где перечисляются условия, которым должен соответствовать ставленник во епископа: исповедание им правой веры, безукоризненный образ жизни; в ней устанавливаются также образовательные и возрастные критерии, предъявляемые для кандидатов на епископскую кафедру [Там же]. Согласно канонической традиции в восточной церкви уже к середине VII века безбрачие епископов стало необходимой нормой [Там же, с. 27] и предусматривало: «Жена производимаго в епископское достоинство, предварительно разлучаясь с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископа, да вступит в монастырь, далеко от обитания сего епископа созданный, и да пользуется содержанием от епископа» [Там же].

В практике Русской церкви закрепилось требование, имеющее силу закона, поставлять на епископские кафедры лиц, принявших монашеский постриг. Именно из числа монашествующих осуществлялся на Руси подбор святительских кадров [21, стб. 195]. В самом начальном этапе христианизации на высших церковных должностях оказывались лица греческого происхождения [19, с. 57, 64]. Не принимая во внимание первых киевских митрополитов, можно указать приведенного в Киев Анной Всеволодовной святителя Иоанна [17, с. 208], бежавшего в Чернигов митрополита Кирилла [19, с. 214], упоминаемых в Лаврентьевской летописи под 1185 г. митрополита Никифора и получившего от него Полоцкую кафедру Николу Гречина [17, с. 269-270], скопца Мануила Смоленского, «иже бе пришедь изъ Грекъ» [Там же, с. 209]. Наличие византийских ставленников было неизбежным в ходе формирования русской церковной организации [8, с. 109-185; 9; 13].

С утверждением на митрополичьем престоле в середине XII в. русина Иллариона, а затем Климента Смолятича на епископские должности возводятся кандидаты из русского духовенства. Выдвижение кандидатов на епископские должности из монашеской среды было неуклонным правилом. «Кузницей кадров» выступил Киево-Печерский монастырь. Из печерских игуменов в епископский сан были возведены Владимиро-Волынский святитель Стефан II [18, с. 51, 180], Феоктист Черниговский [Там же, с. 190], печерским затворником был Лаврентий Туровский, монахами – Исая, Ефрем I и Пахомий Ростовские, Ефрем Переяславский [2, с. 374, 378; 14, с. 215-216, 223-225, 232, 234, 239; 26], Марин (Карион) Юрьевский, Стефан, Феодор, Нифонт Новгородские, Мина Полоцкий [8, с. 124; 23, с. 172].

С развитием канонической жизни на архиерейские кафедры начинают возводиться игумены и монахи других русских монастырей, в том числе и княжеских. Например, митрополит Климент Смолятич до поставления подвизался в Зарубском монастыре [17, с. 236]. Из игуменов княжеского Киевского Спасского монастыря на Берестове вышел Лука Ростовский [Там же, с. 432]. Владыка Аркадий был игуменом Успенского монастыря в Новгороде [21, стб. 44]. Мартирий Новгородский прежде основал Старорусский Преображенский монастырь [16, с. 195]. Преподобный Кирилл Ростовский был игуменом и архимандритом монастыря Рождества Богородицы [18, с. 314]. Андриан Белгородский вышел из настоятелей Выдубицкого монастыря [Там же, с. 456]. Приведенных примеров достаточно, чтобы продемонстрировать принцип: монашество – это необходимая ступень к посвящению в архиерейский сан.

Есть единичные случаи выдвижения на высшие церковные должности «бельцов» из среды мирского духовенства. Наиболее яркий пример – карьера Илариона. Первый русский по происхождению митрополит до прихода в Печерский монастырь был попом княжеской церкви на Берестове [19, с. 84]. Из белого духовенства был поставлен новгородский епископ Иоанн Попьян [Там же, с. 141, 156]. Согласно церковной историографии из мирского духовенства вышел Лазарь Переяславский, который до игуменства в Выдубицком монастыре настоятельствовал в Борисоглебском храме в Вышгороде [12, с. 8].

Не столь ясно прошлое братьев Иоанна и Григория, подвизавшихся на новгородской кафедре во второй половине XII в. Известие под 1165 г. сообщает: «...поставлен бысть Илия, архиепископ Новгородский, от митрополита Ивана Киевского и всея Руси, и при князи Ростиславе Мстиславличи Киевском; а священствовавал у святаго священномученика Власия на Волосове улици, и норечен бысть во иноцех Иван» [16, с. 8]. Церковная традиция приписывает ему принятие схимы дважды соответственно со сменой имен [21, стб. 46]. Однако источники не позволяют судить, была ли семья у Иоанна в период его служения в церкви св. Власия, так же как и у его преемника – Григория [Там же].

Вызывает интерес ситуация родственной преемственности братьев на владычной кафедре. Понятно, что летопись пытается представить данный факт как волеизъявление новгородцев, благо канонические правила этого не возбраняют. В первые века христианства Александрийская кафедра на протяжении нескольких поколений не раз находилась в руках епископов, пребывавших между собой в родственных связях. Тем более что подобные примеры существовали и в Западной Европе. Так, в 961 г. «король (Оттон I – Т. Ф.) отпраздновал Рождество Господне в городе Регенсбурге, где 14 февраля скончал свои дни вюрцбургский епископ Поппон, весьма любимый королем; на епископской кафедре его сменил его близкий родственник [тоже] Поппон» [15, с. 47]. Попытка назначения после себя преемника имела место на заре новгородской епископии, когда Иоакимом Корсунянином была предпринята попытка передачи власти своему ученику Ефрему [19, с. 79].

Знает архиерейская власть и примеры поставления лиц из княжеского окружения. Правила в подобных случаях диктуют определенные ограничения. Согласно Новеллам Юстиниана, «кандидаты во епископа,

которые ранее исполняли государственную службу либо состояли в войске, должны были провести в монастыре не менее 15 лет» [27, с. 79]. Сомнительно, что Ефрем Переяславский и Никифор Владимирский выдержали это каноническое условие. Согласно житию, Ефрем был казначеем и управлял хозяйством при дворе князя Изяслава Ярославича, затем принял монашество в Печерском монастыре, откуда поставлен на Переяславскую кафедру [11, с. 445]. По Ипатьевской летописи, в 1223 г. на Владимирскую кафедру был поставлен «Микифор прироком Станило бе бо слоуга Василков (князя *Василия Романовича* – Т. Ф.) преже» [18, с. 506]. Возможно, кандидатов на епископских кафедрах из княжеского окружения существовало гораздо больше. По свидетельству Печерского Патерика и житий, преподобные Антоний и Феодосий происходили из дружинной среды, таковыми же были Моисей Угрин и другие насельники обители, а Николай Святоша вообще был князем [8, с. 109-185; 19, с. 140].

Согласно имеющимся в источниках сведениям, на протяжении первых полутора столетий подбор кандидатур на архиерейские должности производили киевские митрополиты, часто при активном участии киевских князей. Наиболее яркие примеры – княжения Ярослава Владимировича [19, с. 79-80], Изяслава Мстиславича [Там же, с. 172-173]. Но уже со второй половины XII в. появляются известия об избрании кандидатур епископов (князьями, боярами и на вече) из среды местного духовенства. Подобным образом заняли архиерейские должности Кирилл Туровский, новгородские владыки Иоанн (Илья), Григорий (Гавриил), Аркадий и др. Вероятно, эти процессы связаны с ослаблением влияния киевской митрополии и отражают стремление удельных княжеств к политическому обособлению от Киева, укрепление позиций местной княжеской или боярской верхушки. По мере углубления христианизации сказалось возрастание политической роли и социального статуса местного духовенства.

Нельзя не отметить усиление настойчивых усилий христианских общин в княжествах, направленных на ограждение себя от вмешательства киевских митрополитов во внутренние дела городов [18, с. 314, 432; 21, стб. 48, 49]. В таких случаях присылавшиеся из Киева епископы воспринимались в качестве проводников первосвятительских амбиций и политики. Поэтому неудивительно возникновение прецедентов отказа таковым соискателям в занятии вакантных кафедр [18, с. 432].

Проявление подобной щепетильности свидетельствует о росте канонической грамотности и зрелости церковной организации Руси, которая первоначально безропотно принимала назначения киевских митрополитов. Теперь же городские общины стали активно использовать своё право избирать своих епископов. С одной стороны, такая практика отвечала древним христианским традициям, а с другой – вполне вписывалась в канонические византийские нормы XII-XIII вв. [4, с. 207-225].

Кандидатуры епископов подбирались киевскими митрополитами не только на начальном этапе христианизации, но и в последующие периоды. Несомненно, что со своей стороны русские первосвятители пытались активно участвовать в создании кафедр и поставлении архиереев. Так, Торопецкая [21, стб. 48] и Перемышльская [Там же, стб. 49] кафедры были созданы, чтобы удовлетворить властные амбиции архиереев, а время их существования ограничивалось периодами пребывания на указанных престолах бывших новгородских епископов Митрофана и Антония.

В церковных вопросах удельные князья проявляли строптивость и противились воле киевских князей и митрополитов, пытаясь самостоятельно определять и ставить кандидатов в своих городах [17, с. 236, 361; 19, с. 79-80]. В подобных случаях преследовались, прежде всего, политические цели, желание увидеть в архиереях идеологическую опору, послушное и управляемое духовенство [17, с. 361; 18, с. 506]. Правда, иногда удельные князья ходатайствовали перед митрополитами и киевскими князьями о поставлении угодных им кандидатов [18, с. 314].

Политические элиты княжеств в лице бояр, посадников, веча со второй половины XII в. также начинают активно вмешиваться в процесс поставления епископов их княжеств. Ярчайшим примером в этом отношении является Великий Новгород, когда со времени владыки Аркадия утверждается традиция избрания местного кандидата на кафедру. Так, после Аркадия получили святительство Иоанн и Гавриил. Несколько позже возникает новая практика: выбор между тремя кандидатами (два предлагаются противоборствующими группировками, третий именуется как «грек», т.е. кандидат, который будет прислан киевским митрополитом). В такой форме с начала XIII в. разгорается отчаянная борьба за новгородскую кафедру сначала между партиями, поддерживающими Митрофана и Антония [21, стб. 48, 49], затем между Антонием и Арсением Хутынским [Там же, стб. 49]. Последний из них свергается вече. Известен случай, когда кандидаты сами проявляли инициативу и искали себе кафедру: «поставлень бы скопечь Маноуило епископом Смоленскоу певечь гораздыи иже бе пришель изъ Грекъ самъ третии к благолюбивому князю Мьстиславу предъ симъ бо бе не былъ епископ Смоленске» [17, с. 209].

Сравнивая разные способы подбора кандидатов на архиерейские должности как со стороны киевских князей и митрополитов, так и удельных князей, боярства, посадников и веча, можно во всех прецедентах усматривать личные предпочтения князей или политических элит. В княжествах кандидатуры подбирались для достижения конкретных задач, что обуславливалось стремлением политических центров к автономии от Киева и служило целям укрепления позиций местной княжеской или боярской верхушки. Кадровая политика в Новгороде увязывалась со стремлением к разделению сфер влияния между боярскими группировками внутри княжества. Во времени процессы отразили возрастание роли и статуса местного духовенства.

В исторических источниках деятельность этих архиереев представлена во всей полноте. Как правило, она связана с основанием и освящением монастырских обителей и храмов, созданием нравственных назиданий

князьям, пастве либо духовенству, отстаиванием политических интересов своих княжеств. Это было бы невозможно без поддержки, в том числе и финансовой, со стороны княжеской власти и/или местной боярской знати. Примечательно, что кандидатуры епископов выдвигаются из числа местных игуменов, нередко построивших свои обители на собственные средства, подвижников, раздавших имевшееся у них богатство перед уходом в монашество, из лиц, послуживших укреплению политического статуса княжества.

Светские власти, обеспечивая свои политические интересы, также несли большую часть материальных затрат на обеспечение епископской кафедры. Последние складывались из сумм на обеспечение архиерейского двора, значительные выплаты шли Киеву и Константинополю. Поэтому неудивительно, что при избрании архиереев горожане и князь руководствовались не только политическими соображениями и личными предпочтениями, но и таким качеством будущего епископа, как неприязнательность в материальном отношении. Вероятно, именно поэтому выбор делался в пользу таких подвижников, как митрополиты Иларион, Климент Смолятич, епископы Кирилл Туровский, Никита Новгородский. Не исключено, что огромные расходы на содержание духовенства могли быть одной из причин продолжительных периодов пустования епископских кафедр и просьб о поставлении на кафедру конкретных лиц, не отличающихся сребролюбием и стяжательством [18, с. 314, 432].

Выдвиженцы на архиерейские должности из местного духовенства, неприязнательные в материальном отношении и видящие в своем пребывании на кафедре подвижническую цель, сами занимались активным церковным строительством на территории своих округов. Например, новгородский владыка Мартирий «заложил святое Воскресение на поле, монастырь» на Мячине [16, с. 12, 13, 197], «поставил церковь камену святого Николая чудотворца, и монастырь устрои» [Там же, с. 194]. В Старой Руссе в Спасском монастыре, где он был игуменом и строителем, «заложил церковь камену святое Преображение» [Там же, с. 12-13, 198]. Подобные епископы отвечали высоким требованиям канонов: «благочинен, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив», печется «о Церкви Божией». Летописцы отмечают и другое качество лиц, отбравшихся в архиереи. Не без гордости о некоторых кандидатах говорили: «учителен» [17, с. 236, 334]. Некоторые прославились на ниве литературной и книжной деятельности. Например, Ефрем Пряславский считается переводчиком на русский язык сказаний о посмертных чудесах святителя Николая Чудотворца, а также составителем «Слова похвального на перенесение мощей Николая Мирликийского» [24, с. 125]. Изучение Священного Писания было поставлено в качестве достоинств киевскому митрополиту Иоанну (ум. 1089) [17, с. 146], Клименту Смолятичу [22, с. 140-148], будущему новгородскому святителю печерскому монаху Никите [8, с. 138]. Иногда назывался целый набор качеств, которые способствовали восхождению на престол. Летопись сообщает о том, как «поставил Изяслав митрополитом Клима Смолятича выведь изъ Заруба бе бо черноризецъ, скимник и бысъ книжник и философ» [17, с. 236], т.е. в данном случае такие требования, как исповедание правой веры и безукоризненный образ жизни, князем были соблюдены.

Качества, которые ценились в архиереях, можно выделить из слов похвалы Кириллу Туровскому – рожден в семье состоятельных родителей в Турове, добровольно ушел в монастырь, вел праведную монашескую жизнь, достойно пронес подвиг столпничества и затворничества, глубоко знаком с божественными книгами и Священным писанием, избран епископом «молением» князя и горожан [7, с. 62-64].

Очевидно, что главной трудностью князей и горожан в поиске достойных святителей был их моральный облик. «Вопрошание Кирика» на примере низшего духовенства показывает, что кандидаты привносили в священство те недостатки, а порой и пороки, которые были характерны тем социальным слоям, из которых они происходили [3, с. 416, 420, 421; 5].

Важнейшим требованием к кандидатам в священство являлся возраст. Согласно правилам, «каноническим» считается возрастной ценз для поставления во епископа не ранее 35 лет. Между тем в канонах он нигде не устанавливается, в книге апостольских постановлений указывается 50-летний возрастной ценз, который, «во всяком случае, начиная с эпохи Вселенских Соборов не действовал в Церкви, а действующая норма относительно возрастного ценза была заимствована из 123 новеллы» [27, с. 81]. Отечественные источники не называют возраст ни одного из русских архиереев при их вступлении на кафедру. К сожалению, в отличие от князей, они не указывают и возраст ухода архиереев из жизни. Однако мы знаем о продолжительных сроках пребывания святителей на епископском служении. Так, новгородский владыка Нифонт занимал кафедру 26 лет, Илья (Иоанн) – 21 год, Мануил Смоленский – около 30 лет, что позволяет говорить о их вступлении на престол в достаточно молодом возрасте. При этом нельзя забывать, что в изучаемый период Русь испытывала значительную нехватку священства, поэтому, скорее всего, нарушения возрастного ценза присутствовали [3, с. 421-422]. Подобные примеры встречались и в Западной Европе. Так, незаконнорожденный сын короля Германии и императора Священной Римской империи Оттона I Вильгельм становится майнцским архиепископом в нарушение установленных норм в 25 лет [15, с. 47]. Русские князья не были ограничены в возможностях возведения в сан удобных им лиц, и соблюдение канонов вряд ли было способно остановить их при принятии решений. Нарушение данных норм было оправдано наличием светской инвеституры.

Одним из острых вопросов при подборе кандидатов является выявление требований к личным качествам претендентов. Канонические требования в отношении будущих архиереев не всегда можно было согласовать с запросами светских властей. Чаше фигурируют характеристики положительные, но не всегда определенные.

В ходе анализа процедуры поставления смоленского епископа Мануила трудно сказать, какие личные качества сподвигли киевского князя и митрополита на этот шаг, но явно не летописная ремарка «певечь гораздыи» [17, с. 209]. Скорее всего, в поставлении Мануила на Смоленскую кафедру сыграл роль более весомый

нестяжательский аргумент, предоставленный ищущим святительство кандидатом. Об этом свидетельствуют и изначально заложенные при создании Смоленской епископии материальные ограничения по содержанию кафедры. При этом нужно отдать должное Мануилу, который удержался на кафедре, а следовательно, сумел заслужить уважение вверенной ему паствы.

Интересна в данном отношении практика, сформировавшаяся в Великом Новгороде. Наблюдается разница в подборе кандидатов на новгородскую кафедру. Если блаженный епископ Нифонт характеризуется как «поборник всей руской земли» [Там же, с. 334], то в рамках владычных выборов второй половины XII – первой трети XIII в. личные качества отступают на второй план, и летопись протокольно сообщает: «...и поставиша Мантурья по жребью» [21, стб. 47]. Следовательно, кандидат рассматривается как ставленник от Бога, где жребий выступает рукой провидения, что и должно преодолеть конфликт между группировками.

Для выдвигавшихся князьями архиереев их личные качества имеют большое значение, т.к. призваны способствовать достижению политических целей князей. Это для летописца ростовский епископ Федор после расправы «злой и пронырливый и гордый лстец, лживый влдыка» [17, с. 378], но, вероятно, Андрей Боголюбский, делая выбор в пользу данного архиерея, руководствовался другими критериями, которые должны были способствовать реализации амбициозных планов – целеустремленность, властный нрав будущего владыки и др. Всеволодом Юрьевичем, напротив, для реализации своих политических замыслов, вопреки воле митрополита Никифора, была избрана кандидатура «Лоукоу смиреннаго дхмь и кроткого» [Там же, с. 269].

К концу домонгольского периода в условиях жесткой политической борьбы ареной противостояния становятся и епископские кафедры. Все чаще кандидаты рассматриваются с точки зрения того, кем они были возведены на кафедру, чьи интересы отстаивают. Белгородский князь Максим «постави епископомъ отца своего дхвнаго игоумена стога Михаила Андреяна Выдобычиского» [18, с. 456], «Матфей, митрополит Киевский и всеа Руси, въ епископы поставив в Ростовъ инока Кирила изъ митрополича монастыря изъ Суздаля святаго Дмитра» [20, с. 69].

Для домонгольского периода не представляется возможным говорить о «типичном русском архиерее» в некоем идеальном качестве. В условиях, когда епископии существовали автономно друг от друга, требования к подбору кадров на святительские вакансии увязывались с политической целесообразностью [1, с. 118-119; 4, с. 207-225]. Кандидаты на святительство, прежде всего, были ставленниками княжеской либо боярской власти. Для будущих епископов важны такие качества, как покладистость характера, гибкость в принятии решений и пр. Канонические требования при подборе кандидатов на архиерейские должности в домонгольский период оказываются второстепенными перед личной верностью политической власти. Источники, конечно, этого не афишируют, приписывают кандидатам в архиереи те или иные достойные качества. Характеристики эти скупы, однобоки, лишены типовых черт. В сумме из этих черт и складывается обобщенный портрет русского архиерея – святителя и политика.

Список литературы

1. **Белякова Е. В.** Замечания к полемике о Чине поставления епископов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44). С. 118-119.
2. **Библиотека литературы Древней Руси** / РАН ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. XI-XII вв. 543 с.
3. **Вопрошание Кириково** // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. М.: Круть, 2011. Вып. 7. С. 413-429.
4. **Гайдено П. И.** Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 207-225.
5. **Гайдено П. И., Фомина Т. Ю.** Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9. Ч. 2. С. 38-44.
6. **Греков Б. Д.** Киевская Русь. М.: АСТ, 2004. 672 с.
7. **Житие Кирилла Туровского** // Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 62-64.
8. **Киево-Печерский патерик** // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. Т. 4. XII в. С. 109-185.
9. **Костромин К. А.** Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2011. 241 с.
10. **Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я.** Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. 344 с.
11. **Мануил (Лемешевский).** Русская православная иерархия: 992-1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 1. 543 с.
12. **Мануил (Лемешевский).** Русская православная иерархия: 992-1892. М.: Издание Сретенского монастыря, 2002. Т. 2. 607 с.
13. **Мильков В. В.** Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. М.: Круть, 2011. Вып. 7. 544 с.
14. **Назаренко А. В.** Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 528 с.
15. **Назаренко А. В.** Комментарии // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова; сост., пер и коммент. А. В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV. Западноевропейские источники. 512 с.
16. **Новгородские летописи** (так названные новгородская вторая и новгородская третья летописи). СПб., 1879. 628 с.
17. **Полное собрание русских летописей.** Л., 1926-1928. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 379 с.
18. **Полное собрание русских летописей.** СПб., 1908. Т. 2. Ипатьевская летопись. 638 с.

19. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с.
20. Полное собрание русских летописей. СПб., 1885. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 248 с.
21. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. I-XII с. 320 стб.
22. Послание Климента, митрополита русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием // Понько Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси: XI-XIII вв.: исследования, тексты, комментарии. СПб., 1992. С. 140-148.
23. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб.: Наука, 2003. 248 с.
24. Словарь книжников и книжности Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. 494 с.
25. Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль, 1888. 233+XLIX с.
26. Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб.: Евразия, 2002. 444 с.
27. Цыпин В. А. Каноническое право. М., 2009. 863 с.
28. Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978. 292 с.
29. Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси (конец X – первая половина XIII в.) // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. С. 124-137.
30. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси XI-XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
31. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские Уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X-XIV вв. // История СССР. 1970. № 3. С. 123-126.
32. Щапов Я. Н. Древнерусские княжеские Уставы XI-XV вв. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. 240 с.
33. Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // Византийский временник. М.: Наука, 1971. Т. 31. С. 71-78.
34. Щапов Я. Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) // Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 10-70.

PRINCIPLES OF CANDIDATES SELECTION FOR HIERARCHAL POSITIONS

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History

Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

In the article the principles of candidates selection for hierarchal positions during the pre-Mongolian period of Rus history are considered on the basis of historical sources complex and historiography. Pretenders selection was implemented by Kiev metropolitans, princely authorities, boyar clans. The requirements to candidates for priesthood didn't always correspond to canonical norms, but met the political, ideological and material interests of the Old Russian elite.

Key words and phrases: Early Rus; church hierarchy; hierarches; bishops.

УДК 314.174

Исторические науки и археология

На основании проведенных исследований осуществлен анализ средней людности семейного крестьянского домохозяйства Среднего Притоболья и Приисетья с 1868 г. по 1918 г. В статье приведены статистические данные по нескольким тысячам русских крестьянских семей из шестидесяти двух населенных пунктов восьми волостей двух губерний, проанализирована динамика изменений численного состава крестьянской семьи.

Ключевые слова и фразы: домохозяйство; крестьянская семья; людность; двор; волость.

Черная Оксана Валентиновна

Московский государственный университет путей сообщения (филиал) в г. Калининграде
miit-kld@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ СРЕДНЕЙ ЛЮДНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ И ПРИИСЕТЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА[©]

Крестьянская семья давно уже стала объектом изучения самых разных наук, поскольку преобладающие в обществе формы семьи служат показателем уровня его модернизации, в значительной мере обуславливают положение в нем женщин и детей и так далее. В традиционном обществе семья была одной из главных микроструктур, определяющих статус крестьянина, форму его поведения, систему личных взаимоотношений. В исследуемый период крестьянство Среднего Притоболья и Приисетья, как и российское крестьянство в целом, переживало тяжелейшие муки трансформации, отразившиеся на конкретно-историческом уровне в массе противоречивых фактов, требующих своего объяснения.